

УДК 17.035.1

Елена Валериевна Беляева

*д-р филос. наук, доц., проф. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета*

Elena Belyaeva

*Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State University*

e-mail: bksisa@rambler.ru

МОРАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ Я И ДРУГОГО В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассмотрена этика ответственности, в которой при объяснении сущности морали ключевой становится фигура Другого, его онтология выступает предпосылкой постановки этических проблем. Моральная коммуникация Я и Другого рассматривается как принципиально открытая, ненасильственная, диалоговая. При этом индивидуальный моральный субъект укрепляет свою идентичность через посредство «другости» Другого и собственной «другости». В социальной среде моральный дискурс создает пространство коммуникации, в котором может реализоваться ответственность всех моральных субъектов.

Ключевые слова: *этика ответственности, Я и Другой, моральная коммуникация, диалог, ненасилие.*

Moral Communication of Self and Other

The article is devoted to the consideration of the ethics of responsibility, in which the figure of the Other becomes key in explaining the essence of morality, its ontology acts as a prerequisite for posing ethical problems. Moral communication between the Self and the Other is considered as fundamentally open, non-violent, and dialogical. At the same time, the individual moral subject strengthens his identity through the «otherness» of the Other and his own «otherness». In the social environment, moral discourse creates a space of communication in which the responsibility of all moral subjects can be realized.

Key words: *ethics of responsibility, Self and the Other, moral communication, dialogue, non-violence.*

Введение

Этика ответственности представляет собой тип теории морали, сформировавшийся в XX в. и отличающийся по своим характеристикам от двух классических типов теории морали – этики блага и этики долга. Несмотря на множество исследований, посвященных творчеству конкретных представителей этики ответственности (М. М. Бахтина, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, К.-О. Апея, П. Рикёра и др.), ее целостная теоретическая реконструкция и выявление своеобразия остаются насущной задачей. Построение всякой теории морали включает проработку вопроса о взаимодействии между субъектами морали, вопроса о том, каким образом их проекты правильной жизни соотносятся между собой и на каких основаниях их совместная жизнь может пройти правильно.

Данная статья посвящена экспликации такой специфической черты этики ответственности, как ее коммуникативный характер, который проявляется в том, что мораль здесь конституируется во взаимодействии Я и Другого.

Основная часть

Этика ответственности широко использует разработанную в феноменологии категорию Другого, при этом Другой выступает необходимым условием формирования Я как субъекта морали. Открытость Другому и коммуникативное событие с ним характеризует онтологическую структуру морального субъекта этики ответственности. Как пишет И. С. Дорогавцева, в западной культуре проблема взаимоотношения с Другим рассматривается и на уровне диалога Я и Ты, и как проблема идентичности

«я», и как основа социальной жизни, и в контексте взаимодействия культур [1].

Индивидуальный субъект в этике ответственности является причиной морали, мораль возникает как ответ этого субъекта на присутствие Другого, отсутствие же ответа свидетельствует о его безответности, безответственности, безнравственности. При этом Другой не сообщает Я моральных норм или ценностей, не побуждает к морали, не является ее источником или причиной. Источником становится *ответ* субъекта на присутствие Другого, и этим ответом становится ответственность за его жизнь и благо, так как только такое отношение позволяет Я утвердить собственную субъектность, самость, способность быть собой, обрести смысл жизни, в целом прожить жизнь как правильную. Другой рассматривается как возможность для Я, и Я как возможность для Другого.

В отличие от классической этики, которая выводила природу и структуру субъекта морали из метафизических оснований, т. е. конституировала индивидуального субъекта и только потом собирала из таких единиц группу, общество и человечество, постклассическая этика отказывается от трактовки субъекта как автономного и мыслит его коммуникативно. «Все индивиды должны признавать друг друга как самоценных участников сообщества... Индивид есть тот, кто был замечен и признан Другим» [2, с. 69]. Как отмечает Д. Э. Гаспарян, предпосылки такого подхода были заложены еще Гегелем, а в постклассической философии, и особенно в феноменологии, этот подход становится господствующим.

Однако трактовка фигуры Другого и его роли в становлении Я, а также понимание сути взаимодействия морального субъекта с Другим моральным субъектом различаются у разных представителей этики ответственности весьма существенно.

Можно говорить о позитивной онтологии Другого, представленной, например, у М. М. Бахтина. В ней взаимодействие Я и Другого имеет диалогическую вопрос-ответную структуру, в которой речь всегда обращена к Другому, и предполагает ответ, а значит, и ответственность за порождение совместного смысла при сохранении неслиянных голосов участников диалога. Как показала Е. И. Жук, «позитивная онтология

Другого утверждает “другость” как принципиальную уникальность или инаковость Другого в качестве позитивного неэлиминируемого фактора смысловой реализации всякой экзистенции» [3, с. 255].

В негативной же онтологии Другого, например, у Ж.-П. Сартра, Другой не становится источником морального смысла, однако наше существование неизбежно оказывается «существованием-в-мире-в-присутствии других» [4, с. 519]. Это присутствие негативно, оно подчеркивает отчужденность Я от Других и Других от Я, их взгляд объективирует личность, превращает ее в средство. Поэтому Я вынуждено постоянно бороться за свою субъектность, подлинность своей экзистенции, что достигается перманентным свободным выбором. Однако и здесь неустранимое присутствие Другого имеет моральное значение, взаимодействие с ним конфликтно, но необходимо.

Неоднозначную нравственную роль играет Другой и в философии Э. Левинаса. С одной стороны, именно обращенный ко мне Лик Другого требует ответа, а соответственно, пробуждает мою ответственность, мое бытие субъектом и мое мышление-для-другого, которое не может быть тотализующим. С другой стороны, как и у Ж.-П. Сартра, первоначальный контакт с Другим негативен, он пробуждает желание убить Другого как Чужого, которого невозможно подчинить себе. Однако Лик Другого заставляет меня задуматься о моем долге. Вопрос же о том, обладает ли Другой теми же характеристиками, что и Я, у Э. Левинаса не ставится. В результате этот «совсем другой Другой», которого нельзя уподоблять мне в каком бы то ни было смысле, оказывается непознаваемым, аутичным, ничего никому не должным, этически не определенным.

Еще одно отличие этики ответственности от этики блага и этики долга — это осознание «другости» Другого, его принципиального отличия от Я. Классическая этика в этом отношении находилась в приятной уверенности, что все участники моральной коммуникации в сущности своей однородны. Золотое правило нравственности, заповедь «возлюби ближнего, как самого себя» и категорический императив И. Канта об универсализации моральной максимы основаны на убеждении, что

Другой – это такой же, как и Я. На интуитивном представлении, что за всеми человеческими различиями лежит фундаментальная моральная общность, во многом зиждется утверждение, что в отличие от прагматических и аффективных поступков, политических и экономических интересов, мораль – это то, что объединяет всех людей. Структура моральных субъектов универсальна, а потому универсализуемость моральных норм составляет их специфическую особенность [5].

Постклассическая же этика (может быть и чрезмерно) акцентирует именно различия, принципиальную несводимость человеческих личностей ни друг к другу, ни к какому единому знаменателю. Другой не мыслится обобщенно как представитель человечества, каждый следующий Другой воспринимается как новый и уникальный.

Э. Левинас посвящает произведение «Тотальность и бесконечное» обоснованию того, что в лице Другого мы обретаем то бесконечное, которое недопустимо тотализовать. У Ж.-П. Сартра Другие – это принципиально чуждые субъекты, взгляд которых несет отчуждение моему Я; вынужденные сосуществовать, моральные субъекты не имеют доступа к экзистенции друг друга. У М. Бахтина неслиянность голосов участников диалога подчеркивает несводимость их сознаний и сущностей друг к другу.

Анализ различных способов концептуализации Другого в онтологии [6] показывает, с одной стороны, усилия обосновать «другость» Другого как принципиально новую онтологическую характеристику, важную для конституирования нравственного отношения. С другой стороны, не менее значительные усилия были приложены к преодолению оппозиции «свой – чужой», которая прежде часто лежала в основе критериев нравственности, к исследованию возможности рассматривать Чужое как Иное, а Иное делать Ближним, сохраняя его уникальность.

Такого рода теоретическая позиция влияет и на нормативные установки этики ответственности, в которой партнер по моральной коммуникации оказывается иным, инаковым и даже чужим, но с которым между тем необходимо наладить взаимодействие. Поэтому, во-первых, значительное место в такой этике должны занимать

нормы нравственного восприятия «другости» Другого, толерантного отношения к Иному, отказ от восприятия всего чужого как зла. Во-вторых, мораль здесь предполагает такое отношение к Другому, которого сам Другой хотел бы к себе, а не облагодетельствование его по собственному представлению о благе и должном. Не следует относиться к нему, как к другому Я, необходимо строить отношение Я к Ты, в котором различие превращалось бы в источник взаимообогащения, а не конфликта.

Для этого этика ответственности тщательно прорабатывает не столько нормы и ценности, как делали это предыдущие теории морали, а способы налаживания диалога и установления правил морального дискурса, с помощью которых субъекты морали могли бы обосновать эти нормы и ценности. К способам взаимодействия можно отнести и взаимодействие сознаний (понимание), и практическое воздействие с помощью поступков, и даже создание социальных институтов, поддерживающих правильное нравственное взаимодействие людей (как это практикуется в прикладной этике). Часто речь идет не о формальной коммуникации, а об общении и диалоге. Как определяет Д. В. Майборода, «диалог – сосуществование (ориентированное на подлинную совместность экзистирование), или просто экзистенциальное взаимоотношение Я – Ты, специфически мыслимое каждой его стороной» [7, с. 24]. Популярность философии диалога способствовала появлению «диалогической этики» [8], основанной на идеях М. Бубера [9], М. М. Бахтина, В. С. Библера [10]. Широко распространились диалогические модели объяснения морального мира, позволяющие разнородным участникам слышать и понимать нравственные установки друг друга, находить общность при сохранении различий.

Из числа представителей этики ответственности моральное взаимодействие как диалог трактовали М. М. Бахтин, Э. Левинас. Но и те мыслители, которые, как Ю. Хабермас и К.-О. Апель, пользовались понятием «коммуникация», приписывали коммуникативному сообществу многие признаки диалогического общения, что позволяло раскрыть специфику морального дискурса.

Ключевой характеристикой морального общения (коммуникации, дискурса, диалога) является его ненасильственный характер, ненасилие полагается как критерий морали, граница между нравственным и безнравственным. Обосновывая эту идею, А. А. Гусейнов подчеркивает, что насилие безнравственно не потому, что приносит боль и страдания, а потому, что отрицает в Другом его моральную субъектность.

«Насилие не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли. Оно есть посягательство на свободу человеческой воли» [11, с. 355]. Посягательство на саму способность человека быть нравственным, угнетение этой способности. Уважать же в Другом морального субъекта означает признавать его способность самостоятельно понимать добро, устанавливая нравственные нормы и вести себя ответственно. И, соответственно, необходимо обсуждать его резоны, аргументы, нормы и представления о добре, отказываться от насилия в пользу нравственного взаимодействия. В таком случае человек может проявлять солидарность не только с тем, кто подобен ему, но и с тем, чьи проблемы и моральное мировоззрение ему чужды. Инаковость Другого не может становиться предпосылкой насилия по отношению к нему. У Э. Левинаса чувственный аспект переживания Другого превращается в экзистенциальный: Другой – это тот, кто подвержен смерти, радикальному страданию человеческого существования, именно данное обстоятельство побуждает субъекта ответить Другому и за Другого, стать ответственным за его бытие.

Так насилие и моральная коммуникация оказываются противоположно направленными процессами: отказ от коммуникации, отсутствие ответа характеризует безнравственную позицию и дает сигнал к насилию. И наоборот: тот, кто хочет применить насилие, разрывает коммуникацию, занимая безнравственную позицию. Применительно к теме ответственности получается, что насилие – это безответственное поведение, оно «не отвечает» на присутствие в бытии Другого и стремится уничтожить его бытие.

Определяя характеристики моральной коммуникации, этика ответственности не только обосновывает важность нравственного отношения к Другому, но утверждает значимость нравственного отношения субъекта к самому себе. Этот важнейший аспект морального мира выявил еще И. Кант, когда во второй формулировке категорического императива утверждал, что необходимо относиться к человечеству в своем лице как к цели, а не как к средству, т. е. заботиться о сохранении собственного достоинства, о поддержании себя в качестве гражданина мира ноуменов. Однако если у И. Канта такое моральное самоуважение зиждилось на автономии субъекта, способного исполнять категорический императив благодаря чистому практическому разуму, то постклассическая этика решает этот вопрос иначе.

Идентичность субъекта становится не автономной, а коммуникативной, сама субъектность обретается в результате этического взаимодействия с Другим, когда их миры выявляют друг друга. Углубление в себя, которое рекомендовала и практиковала классическая этика, ведет скорее к отчаянию от неспособности обосновать значимость морали и отсутствию смысла жизни. Именно Другие подтверждают существование Я, сама идентичность которого складывается как суперпозиция взаимодействий со многими Другими. Моральный субъект не рассматривается как центр морального мира, из которого он созерцает и проецирует нравственные истины. Он существует как узелок в сети коммуникации, в которой, отвечая на зов каждого Другого, он проясняет для себя свою собственную моральную позицию, место и роль в мире морали. В результате главной характеристикой его морального мировоззрения оказывается не целостность и рациональная упорядоченность принципов, а функциональность, пригодность для контакта с конкретным Другим. Этика ответственности не боится растворения субъекта в бесконечных контактах и утраты им идентичности.

Напротив, все ее объяснительные процедуры направлены на демонстрацию плодотворных результатов правильно организованной коммуникации.

Даже обращаясь к своему внутреннему миру, моральный субъект находится в диалоге с самим собой. И если в классической

этике подразумевалось, что это беседа эмпирического человека со своей совестью, со своим «лучшим Я», то в постклассической этике внутренняя структура морального субъекта выглядит иначе. П. Рикёр назвал свою книгу «Я сам как Другой», но еще у М. Бубера присутствовала идея того, что Я должен относиться к себе, как к Ты (а не как к Оно). У обоих мыслителей присутствует интенция с вниманием и заинтересованностью отнестись к своему Я, отдавая себе отчет в наличии своей внутренней «другости» и стремясь к ее пониманию. «Самость самого себя, – пишет П. Рикёр, – подразумевает инаковость в столь глубокой степени, что нельзя помыслить одну без другой» [12, с. 18]. Такая процедура должна служить защитой от внутренней косности самоуверенного в своих нормах и ценностях морального сознания и, одновременно, пробуждать доверие к собственной моральной субъектности, ее глубине и могуществу.

Наконец, этика ответственности внесла большой вклад в переосмысление коммуникативной природы моральных сообществ. Классическая этика подразумевала, что человеческие сообщества субстанциональны и предшествуют индивиду. Семья, поселение, гражданское общество, государство, церковь, человечество уже устроены на определенных основаниях, и, соответственно, мораль – это то, что обеспечивает воспроизводство этих сообществ в буду-

щее. Но в том нестабильном, рисковом социуме, на который рассчитана этика ответственности, многие моральные сообщества функциональны, они возникают из множества конкретных интеракций индивидуальных субъектов. Кроме того, идея иерархии сообществ по критерию размеров и значимости сменяется идеей и практикой сетевого взаимодействия, где главенство и размеры коммуникативного сообщества постоянно переуставляются.

Заключение

Таким образом, этика ответственности как тип теории морали находится во взаимодействии с другими коммуникативными версиями понимания современного нравственного мира: «этикой Другого» [13; 14], диалогической этикой, дискурсивной этикой [15]. Ключевой в объяснении сущности морали становится фигура Другого, его онтология выступает предпосылкой постановки этических проблем. Моральная коммуникация Я и Другого рассматривается как принципиально открытая, ненасильственная, диалоговая. При этом индивидуальный моральный субъект укрепляет свою идентичность через посредство «другости» Другого и собственной «другости». Наконец, в социальной среде моральный дискурс создает пространство коммуникации, в котором может реализоваться ответственность всех моральных субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дорогавцева, И. С. Проблема Другого в западной культуре : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / И. С. Дорогавцева ; Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2006. – 24 с.
2. Гаспарян, Д. Э. Проблема «Я» и «Другого» в философском и психологическом ракурсах: от Гегеля к Лакану / Д. Э. Гаспарян // Филос. науки. – 2015. – № 10. – С. 61–77.
3. Жук, Е. И. Онтология другого в пространстве философско-культурологических исследований / Е. И. Жук // Философские исследования : сб. науч. тр. – 2023. – Вып. 10. – С. 249–259.
4. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2004. – 639 с.
5. Мораль и универсальность : сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; под ред. Р. Г. Апресяна. – М. : Гуманитарий, 2018. – Вып. 1. – 216 с.
6. Алексеева, Д. А. Концептуализация Другого в онтологии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Д. А. Алексеева ; Моск. гос. ун-т. – М., 2005. – 20 с.
7. Майборода, Д. В. Summa dialogica: диалогическая парадигма как фундаментальная философская программа / Д. В. Майборода. – Минск : МГЛУ, 2018. – 175 с.
8. Диалогическая этика : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Армавир, 26–27 сент. 2017 г. / науч. ред. Ю. П. Ветров ; отв. ред. А. Д. Похилько. – Армавир : РИО АГПУ, 2017. – 308 с.

9. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры / пер. В. В. Рынкевича. – М. : Республика, 1995. – С. 16–92.
10. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В. С. Библер // Вопр. философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
11. Гусейнов, А. А. Этика : учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М. : Гардарики, 2000. – 472 с.
12. Рикёр, П. Я сам как Другой / П. Рикёр ; пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. И. С. Вдовиной. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 416 с.
13. Шевырёва, М. И. Диалог с Другим как моральная проблема современности / М. И. Шевырёва // Философия и о-во. – 2021. – № 2. – С. 107–118.
14. Бильченко, Е. Этика Другого и этика того же: отличия и сходство / Е. Бильченко // Филос. полилог. – 2021. – Вып. 1 (9). – С. 25–38.
15. Проскурина, А. С. Становление дискурсивной этики: теоретические положения к анализу коммуникативной практики : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / А. С. Проскурина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М., 2020. – 141 л.

REFERENCES

1. Dorogavceva, I. S. Problema Drugogo v zapadnoj kul'turie : avtorief. dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01 / I. S. Dorogavceva ; Zabajkal. gos. gumanitar.-ped. un-t im. N. G. Chiernyshevskogo. – Chita, 2006. – 24 s.
2. Gasparian, D. E. Problema «Ja» i «Drugogo» v filosofskom i psikhologichieskom rakursakh: ot Giegielia k Lakanu / D. E. Gasparian // Filos. nauki. – 2015. – № 10. – S. 61–77.
3. Zhuk, Ye. I. Ontologija drugogo v prostranstvie filosofsko-kul'turologichieskikh issledovanij / Ye. I. Zhuk // Filosofskie issledovanija : sb. nauch. tr. – 2023. – Vyp. 10. – S. 249–259.
4. Sartr, Zh.-P. Bytije i nichto. Opyt fienomienologichieskoj ontologii / Zh.-P. Sartr ; pier. s fr., priedisl., primiech. V. I. Koliadko. – M. : Riespublika, 2004. – 639 s.
5. Moral' i univiersal'nost' : sb. nauch. st. / Ros. akad. nauk, In-t filosofii ; pod ried. R. G. Apriesiana. – M. : Gumanitarij, 2018. – Vyp. 1. – 216 s.
6. Alieksiejeva, D. A. Konceptualizacija Drugogo v ontologii : avtorief. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.01 / D. A. Alieksiejeva ; Mosk. gos. un-t. – M., 2005. – 20 s.
7. Majboroda, D. V. Summa dialogica: dialogichieskaja paradigma kak fundamental'naja filosofskaja programma / D. V. Majboroda. – Minsk : MGLU, 2018. – 175 s.
8. Dialogichieskaja etika : materialy III Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Armavir, 26–27 sient. 2017 g. / nauch. ried. Yu. P. Vietrov ; otv. ried. A. D. Pokhil'ko. – Armavir : RIO AGPU, 2017. – 308 s.
9. Buber, M. Ja i Ty / M. Buber // Dva obraza viery ; pier. V. V. Rynkievicha. – M. : Riespublika, 1995. – S. 16–92.
10. Biblier, V. S. Kul'tura. Dialog kul'tur (opyt opriedielienija) / V. S. Biblier // Vopr. filosofii. – 1989. – № 6. – S. 31–42.
11. Gusiejnov, A. A. Etika : uchiebnik / A. A. Gusiejnov, R. G. Apriesian. – M. : Gardariki, 2000. – 472 s.
12. Rikor, P. Ja sam kak Drugoy / P. Rikor ; pier. s fr. B. M. Skuratova ; pod obshch. ried. I. S. Vdovinoj. – M. : Izd-vo gumanitar. lit., 2008. – 416 s.
13. Shevyrioja, M. I. Dialog s Drugim kak moral'naja problema sovriemiennosti / M. I. Shevyrioja // Filosofija i o-vo. – 2021. – № 2. – S. 107–118.
14. Bil'chienko, Ye. Etika Drugogo i etika togo zhe: otlichija i skhodstvo / Ye. Bil'chienko // Filos. polilog. – 2021. – Vyp. 1 (9). – S. 25–38.
15. Proskurina, A. S. Stanovlienije diskursivnoj etiki: tieoretichieskije polozhenija k analizu kommunikativnoj praktiki : dis. ... kand. sociol. nauk : 22.00.01 / A. S. Proskurina ; Mosk. gos. in-t miezhdunar. otnoshenij. – M., 2020. – 141 l.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 24.10.2024